

АРЕСТ АРСЕНА ЛЮПЕНА

Сколько, однако, неожиданностей! А началось путешествие так безоблачно. И под такими счастливыми для меня звездами, каких никогда еще в жизни не бывало. «Прованс» — могучий, быстроходный, комфортабельный пароход, капитан — любезнейший человек на свете. Общество самое утонченное. Завязались приятные знакомства, все искали невинных развлечений. Ощущение, будто мы отделились от всего остального мира, предоставлены только сами себе, словно оказались на необитаемом острове, придавало общению особую прелесть, подталкивало к сближению.

Мы становились ближе...

Не знаю, задумывался ли кто-нибудь над тем, как много непредвиденного и неожиданного подстерегает горстку людей, вчера еще незнакомых друг с другом, а сегодня оказавшихся в самой тесной близости, затерянных в бескрайнем море под бескрайним небом, чтобы вместе пережить и яростный гнев океана с беснующимися волнами, и коварный покой уснувшей воды.

Путешествие — по сути, целая жизнь с ее грозами, великолепиям, скукой и пестротой, что умещается всего в несколько дней. Очевидно, потому она и живет так жадно и лихорадочно, так торопливо и безоглядно, что конец ее виден с самого начала.

Но имеется — и уже довольно давно — некое явление, которое прибавляет еще одну краску к палитре ощущений, испытываемых странниками. Кочующий островок теперь не может чувствовать себя окончательно свободным от того мира, от которого он отделился. Связь никуда не девается, она ослабевает посреди полновластного океана и вновь крепнет по мере приближения к берегу. Беспроволочный телеграф — вот как зовется это явление. Голос вселенной, рассылающей свои

новости загадочным, непостижимым путем. Воображение лишилось подмоги — металлических проводов, по которым бежали невидимые послания. Новая тайна не поддается силам воображения, она сама поэзия. Нужны крылья ветра, чтобы все-таки представить себе это новое чудо.

И вот, едва отплыв, мы уже чувствуем, что нам сопутствует, нас сопровождает, а порой и опережает далекий голос. Каждому из нас он нашептывает слова, что шлет оставленный нами мир. Двое друзей поговорили со мной. Десять, двадцать других передали грустные или шуточные слова прощания другим пассажирам на борту.

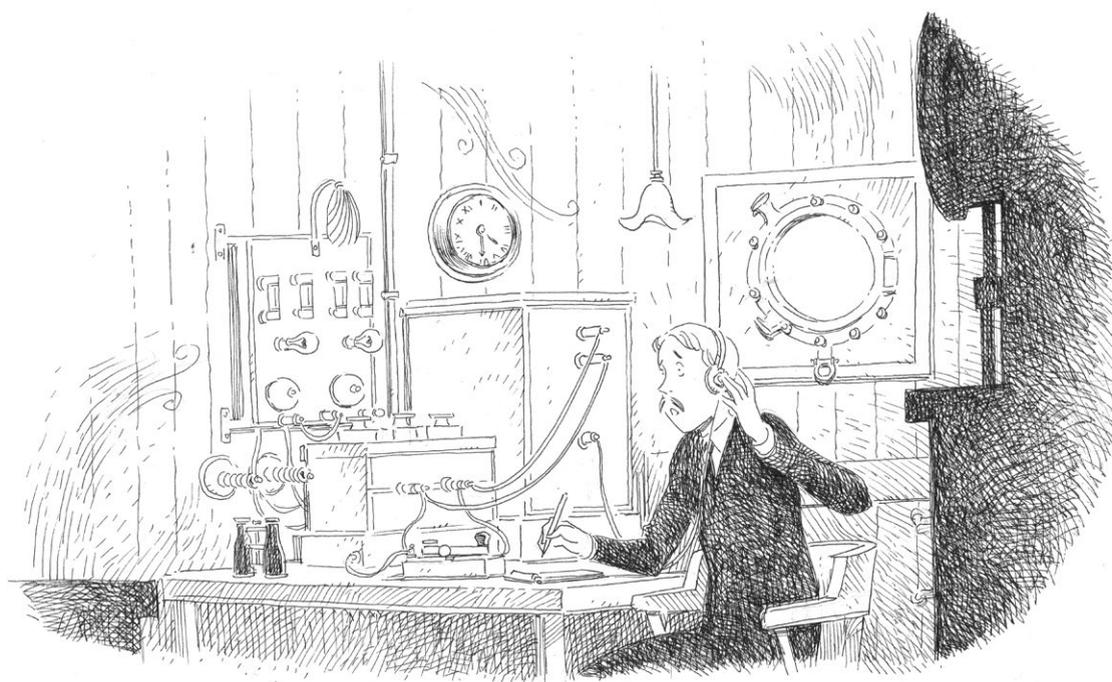
На второй день в пяти тысячах километров от Франции под густеющими грозовыми тучами к нам пришло по беспроволочному телеграфу следующее послание:

Арсен Люпен на борту, первый класс, блондин, правая рука ранена, едет один под фамилией Р...

Громовой раскат сотряс в эту минуту небо. Электрические волны не выдержали. Конец депеши исчез. От имени, под которым скрывался Арсен Люпен, осталась только первая буква.

Я уверен: если бы речь шла о любой другой депеше, телеграфист, стюард, капитан свято хранили бы тайну ее содержания. Но эта! Подобного рода сообщения прорвутся сквозь дамбу самой твердой сдержанности и молчаливости. В тот же день неведомо какими путями мы все узнали, что знаменитый Арсен Люпен находится среди нас.

Среди нас Арсен Люпен! Неуловимый грабитель, о чьих дерзких ограблениях газеты трубили вот уже не один месяц. Человек-загадка, с которым наш старина Ганимар, лучший сыщик на свете, вступил в поединок не на жизнь, а на смерть, и за подробностями его охоты все следили с неусыпным вниманием. Арсен Люпен, грабитель-джентльмен, который навещает только замки и который, побывав однажды ночью у барона Шормана, ушел с пустыми руками, оставив визитную карточку с такой припиской: «Арсен Люпен, грабитель-джентльмен.

Вернусь, когда избавитесь от подделок». Тысячеликий Арсен Люпен — шофер, букмекер, спортсмен-звезда, маменькин сынок, старик, юнец, марселец-коммивояжер, русский доктор, испанец-тореро...

Неужели возможно, чтобы Арсен Люпен расхаживал по нашему, не такому уж большому, пароходу — да что я говорю! — по нашей палубе первого класса, где мы постоянно встречаемся то в кают-компании, то в салоне, то в курительной?! Что же? Арсеном Люпеном может оказаться вот этот господин?.. Или вон тот?.. Или мой сосед по столу?.. Или по каюте?!

— Гадать двадцать четыре часа, помноженные на пять?! Нет, это невыносимо! — воскликнула мисс Нелли Андердаун. — Я надеюсь, его арестуют!

Подняла на меня глаза и прибавила:

— Господин Андреси, вы успели подружиться с капитаном. Скажите, вы что-нибудь узнали от него?

Ради мисс Нелли мне бы хотелось знать все на свете! Она была восхитительна и, где бы ни появилась, сразу оказывалась в центре внимания. Ее красота ослепляла не меньше ее богатства. Она стала нашей королевой и обзавелась свитой преданных обожателей.

Мисс Нелли выросла во Франции, под крылом матери-француженки, а теперь плыла к отцу, мистеру Андердауну, миллионеру, в Чикаго. Ее сопровождала подруга, леди Джерланд.

Едва увидев мисс Нелли, я определил себя в ее свиту и приготовился к небрежительному флирту. Но стремительный ход нашего судна мигом увлек меня дальше, и я уже не мог смотреть без сердечного трепета в ее большие темные глаза. Мне казалось, что мое поклонение она принимает не без благосклонности. Мисс Нелли поощряла улыбкой мое остроумие и с любопытством выслушивала рассказы, поддерживая огонь моего усердия легким дуновением симпатии.

Соперника я увидел лишь в одном молодом человеке, красивом, элегантном и очень сдержанном. Мне показалось, что его сдержанность приятнее мисс Нелли, чем моя парижская живость.

Когда мисс Нелли задала мне свой вопрос, этот молодой человек был как раз от нее неподалеку среди других ее обожателей. Мы удобно расположились в шезлонгах на палубе и дышали чудесно свежим, после вчерашней грозы, воздухом.

— Не знаю ничего определенного, мадемуазель, — ответил я и прибавил: — А почему бы нам самим не заняться расследованием, взяв за образец неподражаемого Ганимара, личного врага Арсена Люпена? Мы справимся не хуже.

— Какая самонадеянность!

— Почему? Вы думаете, это трудно?

— Я думаю, что очень.

— Вы ошибаетесь. Не забывайте, сколько у нас преимуществ.

— И каких же?

— Мы очень много знаем. Первое: Люпен взял фамилию, которая начинается с буквы «Р»...

— Весьма расплывчатые сведения.

— Второе: он едет один.

— Это важно?

— Третье: он блондин.

— И что же?

— А то, что мы изучим список пассажиров и будем действовать методом исключения.

Список был у меня в кармане, я достал его и быстро просмотрел.

— Только тринадцать человек заслуживают нашего внимания, — сообщил я.

— Всего-навсего тринадцать?

— В первом классе да. Среди этих тринадцати персон, чья фамилия начинается на букву «Р», девять едут с женами, детьми и слугами. В одиночестве путешествуют только четверо: маркиз де Реверди...

— Секретарь посольства, я с ним знакома, — прервала меня мисс Нелли.

— Майор Роусон.

— Мой дядя, — сказал один из молодых людей.

— Господин Ривольта...

— Я здесь! — откликнулся молодой итальянец с густой черной бородой, также принадлежавший к свите мисс Нелли.

— Вас трудно принять за блондина, — улыбнулась она.

— Стало быть, делаем вывод: последнее имя в списке — тот, кого мы ищем.

— И кто же это?

— Это господин Розен. Кто-нибудь знаком с ним?

Все молчали. Мисс Нелли обратилась к тому самому молодому человеку, чья преданность нашей королеве была так мне неприятна, и спросила:

— А вы что скажете, господин Розен?

Все посмотрели в его сторону и отметили: он блондин.

Признаюсь, мне стало не по себе. По взволнованному молчанию присутствующих я понял: остальные чувствуют примерно то же самое, что и я, — у всех перехватило дыхание. Было бы абсурдом заподозрить преступника в этом безупречном молодом человеке.

— Что я скажу? — переспросил он. — Что успел провести точно такое же расследование и рассудил точно так же, как вы: из-за моей фамилии, одинокого путешествия и цвета волос меня надо арестовать.

Говоря это, он изменился в лице. Его губы, две тонкие твердые линии, стали еще тоньше и побелели. Зато глаза покраснели. Но, разумеется, он шутил. Однако все мы находились под впечатлением от его тона.

Простодушная мисс Нелли спросила:

— Но рука-то у вас не ранена?

— Верно, не ранена, — согласился молодой человек. — Нет ни одной приметы.

Нервным движением он засучил рукав и показал свою руку. Я вздрогнул. Мои глаза встретили взгляд мисс Нелли: молодой человек показал левую руку, а я точно помнил, что ранена была правая. Я открыл было рот, чтобы высказать свое замечание, но наше внимание отвлекла леди Джерланд, подруга мисс Нелли, которая чуть ли не бежала, направляясь к нам. Ее усадили, ее окружили, она никак не могла отдышаться, наконец отдышалась и с трудом проговорила:

— Мои украшения... Мой жемчуг... Все украдено!..

Нет, украдено было не все. Самым удивительным оказался придирчивый подход грабителя.

Из звезды с бриллиантами, подвески с рубинами-кабошонами, ожерелий и браслетов были вынуты камни — не все и не самые крупные камни, но самой чистой воды и наилучшей огранки. Те, что стоят дороже, а места занимают меньше. Оправы валялись тут же на столе. Я видел их собственными глазами. Да и все видели. Лишенные своей главной красоты, они лежали растоптанными цветами, у которых оборвали самые яркие, сияющие лепестки.

Чтобы проделать такую работу, надо было за не слишком долгое время, пока леди Джерланд пила чай, проникнуть среди бела дня в ее каюту из коридора, где постоянно кто-то ходит, найти мешочек, спрятанный на дне шляпной коробки, и потом с невероятным тщанием отобрать камни!

Все мы вскрикнули в один голос. Наше мнение было единодушным: это сделал Арсен Люпен! Его почерк. В самом деле, кто еще мог совершить такую невероятно сложную и столь продуманную кражу? Трудно надежно спрятать целые украшения, однако ничего не стоит утаить отдельные камушки — жемчужину, изумруд, сапфир!

И что же случилось дальше? А вот что: во время обеда два места справа и слева от месье Розена остались пустыми. Вечером стало известно, что его вызвал к себе капитан.

